

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ЛУНАЧАРСКИЙ И МОРП

Статья Н. А. Трифонова

В истории Международного объединения революционных писателей не может быть забыто имя соратника Ленина, выдающегося литературного критика и теоретика искусства, ученого и публициста, первого наркома просвещения Страны Советов — Анатолия Васильевича Луначарского.

В 1920-х годах ему пришлось возглавлять эту организацию на разных ступенях ее развития, и, пожалуй, среди политических и культурных деятелей этой эпохи во всем мире трудно было бы найти более удачную и более представительную фигуру для этой роли.

Луначарский с огромным уважением относился к национальным особенностям культуры каждого народа. Он давал отпор измышлениям буржуазных клеветников, утверждавших, что коммунизм «якобы стремится нарушить особенности и права отдельных национальностей и утопить все в каком-то безразличном море человечества»¹. Но, будучи революционером-интернационалистом, он решительно осуждал всякий националистический культурный сепаратизм с его стремлением «вырыть пропасть между своим народом и остальным миром»². Человеку огромной эрудиции, Луначарскому всегда был свойствен широчайший охват явлений мировой культуры. Ему одинаково близки, одинаково знакомы были и русская, и западноевропейская художественная культура в их историческом прошлом и в их современном развитии.

Долго живя до Октябрьской революции на Западе и превосходно владея несколькими иностранными языками, Луначарский пристально следил за литературно-художественной жизнью западноевропейских стран и ознакомил с ней русских читателей в качестве обозревателя и корреспондента ряда газет и журналов.

Луначарский писал о самых разнообразных явлениях литературы и искусства: и об эстетиках, и о формалистах, и о «последышах символизма», и о поэтах реакции. Но главное внимание он всегда уделял тем современным писателям, которые поднимали большие социальные проблемы, преодолевали под влиянием идей социализма декадентско-индивидуалистические мотивы и настроения и, не ограничиваясь анархическим бунтом против буржуазного общества, шли в направлении к союзу с пролетариатом.

Среди таких писателей он открывал новые для русских читателей имена. Впоследствии Луначарский не раз с удовлетворением вспоминал, что он первый в русской прессе сказал о значении Ромена Роллана, что он раньше других обратил внимание своих соотечественников на прогрессивных литераторов и художников, принадлежавших тогда к направлению «унанимизма», и т. д.

Еще до революции Луначарский завязывает личные знакомства с некоторыми передовыми деятелями литературы, искусства, науки. Так, находясь в Швейцарии, он знакомится с Роменом Ролланом, с известным ученым, психиатром и энтомологом Августом Форелем и др. Длительные беседы Луначарского с ними на общественно-политические темы, его квалифицированная информация о явлениях русской социальной

жизни и русской культуры не остались без влияния на их сочувственное отношение к Октябрьской революции, к Советской России.

С первых своих шагов на литературном поприще Луначарский отстаивал тезис о том, что рабочий класс, его могучее революционное движение, которое охватывает и область культуры, не могут не вызвать к жизни новое, пролетарское искусство.

Он сам как критик и теоретик активно участвовал в подготовке литературы, воодушевленной идеями социализма, отражающей великую борьбу пролетариата за революционное преобразование общества. Такие статьи его, как «Задачи социал-демократического художественного творчества» (1907) и «Письма о пролетарской литературе» (1914), были очень важными вехами в развитии марксистской эстетической и литературно-критической мысли.

Естественно, что он с постоянным вниманием и сочувствием относился к росткам пролетарской литературы и в России и на Западе, в том числе к литературным (в частности, поэтическим) выступлениям самих рабочих. Этой теме Луначарский посвятил, например, в 1912 г. статью «Нарождающаяся лирика». Излагая и цитируя материалы из журнала «Der Kampf» о рабочих поэтах Германии и Австрии, Луначарский давал собственные переводы их стихов. «Стремление низов самим взяться за поэтическое выявление своих чувств, своего мировоззрения, своих переживаний» он расценивал как «факт большой важности»³. При этом Луначарский, которому прихотилось в те годы, по его собственному выражению, разыскивать пролетарскую литературу «в лупу», в понятном увлечении готов был порой считать ее представителями писателей «все-таки довольно сомнительных с точки зрения такой характеристики, как пролетарский писатель»⁴.

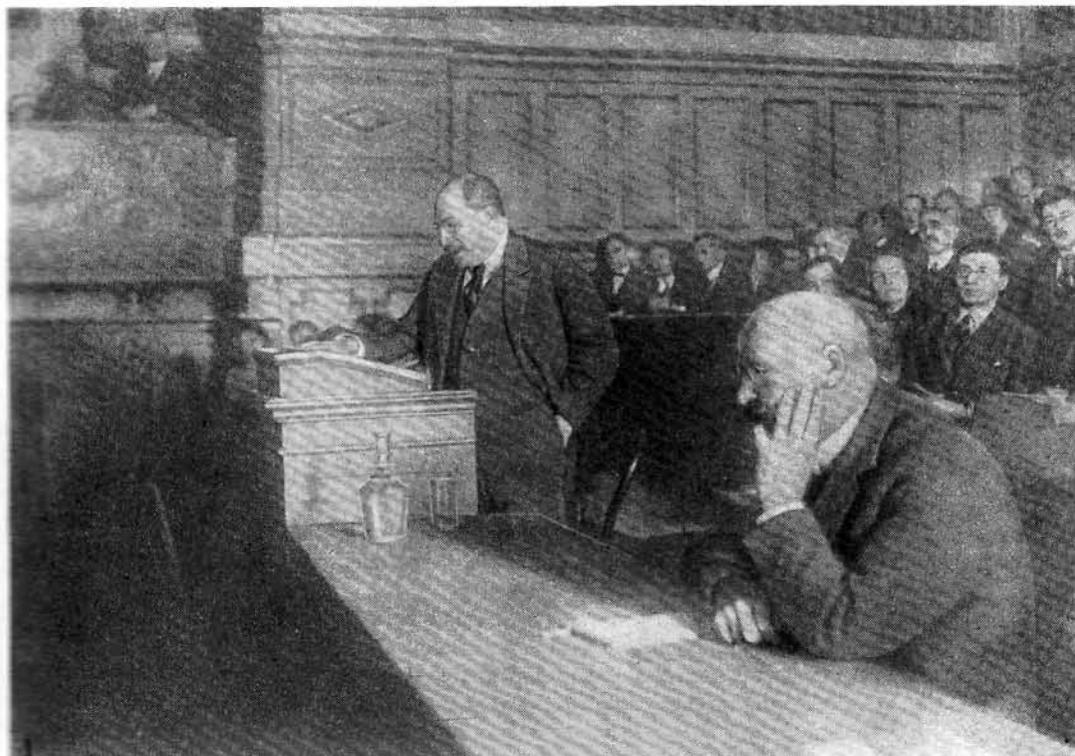
Но если Луначарский иной раз допускал ошибки в оценке тех или иных конкретных авторов или произведений, то он был безусловно прав в основном: в защите и пропаганде принципиального положения о том, что рабочий класс создаст или завоеует себе художников, что лучшие люди художественной интеллигенции придут в лагерь пролетарской революции, осознав, что «вне пролетариата есть лишь либо прямое примирение с позорной действительностью и шутовская служба при дворе „князя мира сего“, либо (...) бесплодный протест, ибо вне пролетариата нет силы, способной „оружие критики“ превратить в „критику оружием“ и в социальное творчество»⁵.

Внимательно наблюдая в годы, предшествовавшие Великому Октябрю, за художественным развитием человечества, за социально-идейной борьбой, разгоравшейся тогда в мировой литературе, и участвуя в этой борьбе в качестве критика-журналиста, Луначарский лучше, чем кто бы то ни было, был подготовлен к тому, чтобы внести значительный вклад в дело международного объединения передовых литературных сил после Октября.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новые просторы для деятельности Луначарского в области литературы и искусства не только в роли критика, обозревателя, рецензента, лектора, но прежде всего в качестве одного из главных руководителей и организаторов литературно-художественной жизни молодой Советской республики. Эти организаторские функции не ограничились пределами одной страны. Международные задачи рабочего класса настоятельно требовали сплочения революционных сил не только в области политики, но и в сфере культуры.

В развитии культурной жизни Советской России первых послеоктябрьских лет заметную роль играл Союз пролетарских просветительных обществ, который вошел в историю под именем Пролеткульта. Луначарский был одним из зачинателей и основателей Пролеткульта: это он вместе с несколькими другими товарищами создал в Петрограде 16—19 октября 1917 г., за несколько дней до Октябрьского переворота, ту конференцию по вопросам пролетарской культуры, которая и положила начало существованию Пролеткульта.

Луначарскому чуждо было стремление преувеличивать удельный вес пролеткультовской деятельности и переоценивать ее результаты, он выступал с критикой «пролеткультовцев вульгарного типа», «тех парадоксалистов пролетарской культуры, которые под мнимо левыми флагами хотели бы убедить пролетариат порвать естественную связь его будущего с культурным прошлым человечества»⁶, однако, спора с

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ ВЫСТУПАЕТ С РЕЧЬЮ О 10-ЛЕТИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА ВЕЧЕРЕ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В БЕРЛИНЕ

Фотография, ноябрь 1927 г.

Архив журнала «Огонек», Москва

«ультрапролеткультовцами», Луначарский на протяжении ряда лет оставался близок Пролеткульту, носил звание его почетного председателя, выступал с докладами на пролеткультовских съездах и конференциях. Неудивительно, что когда в августе 1920 г., в дни II Конгресса Коминтерна, была сделана попытка основать Международный Пролеткульт и организовалось Временное Международное бюро Пролеткульта, то председателем Исполнительного комитета этого бюро был избран Луначарский. Вместе с шестью другими членами Исполнительного комитета он подписал обращение «Братьям-пролетариям всех стран».

Деятельность Международного Пролеткульта по-настоящему не развернулась, что объясняется наступившим вскоре кризисом Пролеткульта, который привел к его упадку. Но важно отметить, что и на этом, пролеткультовском, этапе Луначарский заботился — как в пределах Советской страны, так и в масштабах всего мира — о поддержке и объединении, отнюдь не только тех писателей, которые считались выразителями пролетарской идеологии.

Одну из существеннейших задач пролетарской революции Луначарский видел в завоевании широких слоев интеллигенции (в том числе художественной). Он не жалел энергии для того, чтобы как в Советской России, так и за рубежом «собрать возможно большие интеллигентские силы вокруг новой оси мира — коммунизма»⁷. При этом Луначарский не считал возможным обязательно «требовать от них четкости коммунистического <...> мышления», «ставить им чрезмерные политические требования», которые могли бы отпугнуть тех или иных деятелей культуры.

Даже в первые послеоктябрьские годы, когда Советская республика фактически была изолирована от зарубежного мира, Луначарский, используя печатные источ-

ники и рассказы приезжавших в Россию иностранных деятелей, стремился быть в курсе современных настроений творческой интеллигенции Запада и поддерживать связь с лучшими ее представителями. В 1920 г. он шлет, например, привет группе передовых литераторов и художников Франции, которые, по его мнению, являются «подлинными друзьями восстающей и начинающей строить новую жизнь трудовой массы»⁸.

Когда на Западе возникла идея объединить силы прогрессивной интеллигенции различных стран и с этой целью созвать в Берне международный конгресс⁹, Луначарский горячо одобряет это «стремление интеллигенции к коллективному единению»¹⁰.

В статье 1921 г., помещенной в журнале «Коммунистический Интернационал» и перепечатанной в журнале «Clarté», он выражает пожелание, «чтобы международная интеллигенция, более или менее к нам примыкающая, перекликнулась между собою, съехалась, быть может, на какой-нибудь съезд, выкрикнула перед всем миром свое проклятие буржуазии и свой привет нам»¹¹. И в следующем году, в статье «Западная интеллигенция», Луначарский вновь говорит о желательности «всевропейского съезда» прогрессивных писателей. Коммунисты, присутствуя на таком съезде, могли бы «посодействовать прояснению мыслей и чувств этих наших формальных и неформальных союзников»¹². Намечая литературную карту новой Европы, автор статьи с удовлетворением констатирует, что «выросший и окрепший пролетариат (...) оказывает сейчас более притягательное действие на молодую интеллигенцию, чем капитал со всеми его возможностями купить ее»¹³.

На протяжении 1920-х годов Луначарский при всей своей огромной занятости многочисленными государственными, пропагандистскими, литературными делами принимает участие и в практической работе по сплочению писателей различных стран. В связи с очередными конгрессами Коминтерна (III, IV и V) предпринимались шаги для создания новой международной организации пролетарских писателей. И когда в 1924 г. было сконструировано Международное бюро связи пролетарской литературы (МБПЛ), на пост председателя его был выдвинут опять Луначарский. Он и отчитывался о деятельности этого Бюро 9 января 1925 г. на Всесоюзном совещании пролетарских писателей.

К этому времени Пролеткульт, чьи ошибки подверглись суровой критике в известном письме ЦК РКП(б), опубликованном 1 декабря 1920 г., уже потерял всякое значение. Все более крупную роль в литературном движении начинала играть Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, возглавлявшаяся тогда руководителями журнала «На посту». Она и стала главной активной силой в МБПЛ. Это проявилось уже в резолюции той конференции, которая сформировала Международное бюро.

«Напостовцы» настаивали на создании во всех странах «единообразных ассоциаций» по типу ВАППа. Именуя новое объединение Интернациональной ассоциацией пролетарских писателей, они предлагали «выработать проект платформы и устава» этого Интераппа, «исходя из идеологической и художественной платформы и организационного статута Ассоциации советских пролетарских писателей»¹⁴. Заметим, что эта резолюция была выработана и принята без участия Луначарского («В это время меня еще не было», — оговаривался он в отчетном докладе).

Сотрудничество Луначарского с ВАППом, который являлся самой массовой литературной организацией, стремившейся поставить художественную литературу на службу социалистическому строительству, отнюдь не обозначало полной солидарности наркома просвещения с «напостовцами» по всем вопросам. Луначарский со свойственной ему объективностью видел в напостовском движении и ценное — черты «здоровой реакции против какого-то смиренного отказа от построения даже тончайших форм культуры руками пролетариев по происхождению или людей, целиком ассимилировавшихся с пролетариатом»¹⁵. Но он не раз в своих выступлениях критиковал «напостовцев» за их ошибочную линию, за комчанство, за претензии на монополию и командование в литературе. Одним из главных пунктов его расхождения с «напостовцами» был вопрос об отношении к так называемым попутчикам.

На том же самом совещании пролетарских писателей, где выступал Луначарский, была принята резолюция, в которой о попутчиках говорилось так: «Преобладаю-

«ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ», 1928, № 1
Первая страница с передовой
статьей А. В. Луначарского

щим типом попутчика является писатель, который в литературе искажает революцию, зачастую клеветает на нее, который пропитан духом национализма, великодержавности, мистицизма (...) С полным основанием можно сказать, что попутническая художественная литература — это в основе своей литература, направленная против пролетарской революции»¹⁶.

Для Луначарского подобное утверждение было в корне неприемлемо. В эти же дни (в январе 1925 г.) он помещает в «Известиях» статью «Попутчики в Европе», в которой дает им совершенно иное определение: «Попутчик — не коммунист, у попутчика много заблуждений, попутчик идет неверными шагами и делает то вправо, то влево тур вальса с подозрительными для нас дамами. И все же попутчик а priori носит в своем сердце большое восхищение перед грядущим коммунизмом, перед героями борьбы за него, глубокое отвращение к буржуазии, яростнейший протест против противоречий нашего общества»¹⁷. Луначарский в этой статье говорил очень критически и о слабых, отрицательных сторонах в воззрениях и позициях многих «попутчиков», в том числе крупнейших из них (Р. Роллана, Г. Уэллса, Б. Шоу), но он делал выводы, что нужно не отмахиваться от них, а вести борьбу за них. И это особенно важно в Западной Европе ввиду сильного влияния этих писателей и на интеллигенцию и на читающую часть пролетариата.

Ссылаясь на свидетельство французских товарищей из «Humanité», Луначарский говорил об ошибках, допускаясь в этом вопросе, указывал с тревогой на то, что многие западноевропейские «коммунисты склонны ставить слишком узкие условия правоверия артистам», не умеют «создавать попутчиков». «Конечно, создать себе попутчика, — отмечал Луначарский, — дело, требующее некоторого искусства и такта»¹⁸. Сам Луначарский обладал этим искусством и этим тактом в огромной степени.

После своего возвращения из эмиграции на родину в мае 1917 г. Луначарский безвыездно находился в России более восьми лет. В конце 1925 г. он совершил свою

первую поездку из Советского Союза за границу — в Германию и Францию. Он воспользовался этой поездкой прежде всего для установления и возобновления личных контактов с рядом деятелей немецкой и французской культуры, в частности к этому времени относится его личное знакомство с А. Барбюсом, перешедшее затем в крепкую дружбу.

Присматриваясь тогда к зарубежным литературным организациям и их спорам, Луначарский с одобрением отнесся к деятельности Барбюса, взявшего на себя «инициативу по собиранию всех сил во Франции, которые могут дать отпор грозившей реакции, и политической и культурной»¹⁹. С другой стороны, он очень критически оценивал новую линию журнала «Clarté», который с 1924 г. полностью оказался в руках молодых литераторов, все больше укреплявшихся на сектантско-левацких позициях и все больше изолировавших революционную литературу своими нападениями на ее друзей и союзников, в том числе на такого крупного художника слова, как Анатоль Франс. «Разве правильно,— с явным осуждением спрашивал Луначарский,— когда такой человек выходит из буржуазной клоаки и протягивает нам руки, толкнуть его в грудь и сказать: „Ты не совсем с нами, ты не всё у нас понял и поэтому — пошел назад, в болото-буржуазии“»²⁰.

Подобные сектантские тенденции, такое же «подозрительное отношение ко всякому попутчику»²¹ Луначарский критиковал и в деятельности «напостовцев». А поскольку они играли первую скрипку в МБПЛ, то это сектантство проявлялось и здесь, мешая сколько-нибудь успешной работе. Результаты получались малоощутимые. Характеризуя этот этап работы в информационном докладе на I съезде Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей, Б. Иллеш констатировал: «Было несколько выступлений с политическими протестами, и это всё...»²².

Понятно, что Луначарский был совершенно не удовлетворен деятельностью МБПЛ. Поэтому он ответил отказом на предложение В. П. Полонского написать статью о Международном бюро для Большой советской энциклопедии и даже вообще считал пока ненужным освещать это явление в энциклопедии. Со всей резкостью сформулировал он свою оценку в письме 29 сентября 1926 г., адресованном в редакцию БСЭ: «Хотя идея правильна, но хвастать тут нечем, больше было склок, чем дела, и дутой рекламы»²³.

Надо признать, что положение Луначарского как председателя Международного бюро было не лишено драматизма. Ему была ясна незрелость многих широковетельных лозунгов о борьбе за гегемонию пролетарской литературы в мировом масштабе, ошибочность левацких устремлений и методов его товарищей по Бюро. Он предлагал более трезво оценивать первые шаги молодых рабочих писателей, не закрывать глаза на их слабость. Он не уставал твердить о том, что недопустимо отталкивать от себя попутчиков и сочувствующих писателей. Но в жарких спорах, разгоравшихся внутри МБПЛ, он часто оказывался в меньшинстве. Б. Иллеш вспоминал, что работавшие с Луначарским молодые литераторы «почти все время уклонялись от указанного им пути»²⁴. Но и не имея возможности повести Международное объединение по тому пути, который он считал верным, Луначарский не отходил от работы в МБПЛ и МБРЛ. Руководясь интересами дела, он не прислушивался к голосу личного самолюбия. Он сознавал, что его опыт и знания нужны молодой организации, что он приносит ей немалую пользу и хотя бы частично удерживает своих товарищей от ложных шагов, умеряет пыл их горячих голов. Позже многие его сотрудники поняли, насколько прав был Луначарский в определении задач и плана действий Международного объединения, и пожалели, что к его советам «отнеслись недостаточно серьезно»²⁵.

Как известно, к 1926 г. в МБПЛ уже наметились некоторые перемены. Наиболее ярые сектанты, так называемые «левые» рапповцы, перестали определять линию РАППа и быть его представителями в международном объединении. При поддержке Луначарского произошла известная перестройка Международного бюро, отразившаяся и в изменении его названия.

Впоследствии Луначарский рассказывал об этом слушателям Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова (в лекции «Современная литература на Западе»,

прочитанной 9 февраля 1929 г.): «...оказалось, что писателей, которых можно без обиняков назвать пролетарскими, очень мало. Известных писателей — только по одному, по два, много — по три, а большей частью это писатели-подростки, которые еще учатся, которые состоят на положении подмастерьев, которых, пожалуй, можно не печатать. <...> Теперь мы несколько изменили свою тактику. Мы стали собирать вокруг себя революционных писателей всего мира, которые определенно не принадлежат к буржуазии, и создали „Бюро революционных писателей“. Конечно, такой писатель, который является отъявленным врагом коммунизма, нас привлекать не может, но есть писатели, которые, хотя и не подошли к нам достаточно близко, но относятся к буржуазии враждебно. Таких писателей довольно много»²⁶.

В 1927 г. под председательством Луначарского состоялась первая Международная конференция пролетарских и революционных писателей. Здесь он выступил с докладом, цель которого была помочь иностранным участникам конференции осмыслить десятилетний опыт советской литературы. В докладе шла речь о том, как повлияла Октябрьская революция на развитие русской литературы, как литература все более вступает на путь социального реализма и содействия социалистическому строительству, как постепенно достигается известное единство советских писателей²⁷.

В газетном отчете, который был напечатан после закрытия конференции, были приведены слова Луначарского, сказанные в беседе с корреспондентом: «Конференция имеет чрезвычайно большое значение для объединения революционных и пролетарских писателей всего мира. Если не удастся поставить большой интернациональный журнал, то во всяком случае на русском языке будет издаваться капитальный журнал, посвященный мировой литературе, а также сборники на французском и немецком языках и бюллетени.

Значение конференции не ограничивается этими результатами. Она показала замечательное единство идейных подходов к задачам литературы и общность принципов понимания этих задач. Несмотря на то, что в конференции принимали участие не одни коммунисты, но и писатели, только сочувствующие революционной борьбе, — ни разу ни в одном пункте между теми и другими не прозвучало существенных разногласий»²⁸.

После конференции Луначарский возглавил возникший по ее решению журнал «Вестник иностранной литературы», который он стремился сделать, по его выражению, вышкой для широкого обозрения зарубежной литературы, не ограничиваясь публикацией произведений только писателей, близких к коммунистической идеологии.

В цитированной выше лекции Луначарский сообщал студентам о спорах, которые велись по вопросу о том, что из иностранной литературы печатать у нас: «Один говорит: „Пусть печатаются даже малозначительные вещи, потому что они написаны пролетариями“, а другие возражают: „Если печатать всё без разбора, то и читать никто не станет. Печатайте не только пролетарских писателей, но и таких, которые наполовину принадлежат к буржуазии. Нужно только снабжать их произведения соответствующими комментариями“»²⁹. В этих спорах редактор «Вестника иностранной литературы», разумеется, поддерживал вторую линию.

Как свидетельствует та же лекция, Луначарского тревожило, что коммунисты еще недостаточно настойчиво ведут борьбу за художественную интеллигенцию в разных странах, что «буржуазия отвоевывает у нас часть писателей»³⁰. Анализируя причины недостаточности наших успехов в этом отношении, он с горечью отмечал, что буржуазии помогают некоторые отщепенцы коммунизма, позволяющие себе выступать с злобной критикой социалистического строя. Характерный для Луначарского тезис о необходимости вести умелую и энергичную борьбу за творческую интеллигенцию звучит и в этой лекции.

Следующий этап в жизни международной организации революционных писателей, озаглавленный Харьковской конференцией, проходил уже без Луначарского.

Будучи освобожден в 1929 г. от должности наркома по просвещению, он перестал быть и руководителем МБРЛ. Но и в начале 1930-х годов — в последний период своей яркой, кипучей жизни — критик-марксист продолжал энергично служить делу объединения революционной и прогрессивной литературы всего мира. И в это время про-

должали обращаться к нему его бывшие товарищи по МОРПу, и он не отказывал им во внимании и в помощи.

Он поддерживал и укреплял дружеские связи с корифеями художественной интеллигенции — такими, как Р. Роллан, А. Барбюс, Г. Уэллс, Б. Шоу, Ст. Цвейг, Э. Синклер, вел с ними переписку, приглашал их сотрудничать в советских журналах, посещал их во время своих частых зарубежных поездок, принимал их на Советской земле в качестве полпреда социалистической культуры.

Он усиленно помогал ознакомлению русских читателей с произведениями зарубежных мастеров слова в качестве переводчика, редактора, автора предисловий, и, с другой стороны, — содействовал знакомству западноевропейского общества с русской культурой, печатая свои статьи в зарубежных изданиях, выступая за границей с лекциями и докладами на научных конференциях и на разных юбилейных торжествах. Вся эта многосторонняя деятельность имела большой международный резонанс.

Луначарского не переставали волновать и заботить судьбы и дела Международного объединения революционных писателей. Поэтому он считал чрезвычайно важным, чтобы «делами этого, пока еще не очень сильного, но многообещающего союза революционной, преданной делу коммунистического строительства интеллигенции, в которой значительную роль играют и непосредственные выдвиженцы из рабочего класса»³¹, ближе заинтересовался такой авторитетнейшей для всего мира писатель, как А. М. Горький.

И в одном из своих последних литературных выступлений — в статье «Вместо заключительного слова» — Луначарский вновь вернулся к вопросу о МОРПе, заявив: «Мы склонны создать некоторый широкий Интернационал искусства, в который включаем не только выдержанных коммунистов, не только законченных пролетариев, но и тех, которые находятся в пути к такому состоянию, революционных антибуржуазных писателей. Внутри этого Интернационала мы приветствуем всяческую взаимопомощь, всяческое взаимодействие»³².

Эти слова звучат как завещание большого друга всего прогрессивного в мире искусства своим преемникам и продолжателям.

Так на протяжении большей части своего революционного и литературного пути Луначарский стремился, говоря словами Маяковского, организовывать и сплачивать в мировой литературе «левые отряды для грядущей борьбы»³³ — борьбы за счастье человечества.

В статье «Попутчики в Европе» Луначарский дал превосходное определение того, как деятели коммунизма должны работать среди творческой интеллигенции, чтобы достичь хороших результатов: «Работу с нею можно вести только говоря на ее языке. Коминтерн, национальные партии должны суметь вмешаться в эстетические, этические, а не только социально-политические распри интеллигентской ярмарки. Его представители должны показать, какими ясными становятся все вопросы при прикосновении к ним диалектического материализма. Они должны доказать также, что мы ничего не выбрасываем вон зря, что мы ценим все ценное в культуре что никакого понижения жизни, мысли и искусства мы не желаем, не допустим, надо, словом, доказать, что основной штаб пролетариата не только не ниже в культурном отношении, чем интеллигенция, но выше ее и действительно может руководить ею и вывести ее из бесплодной и часто мучительной толчеи»³⁴.

Сам Луначарский показывал образец именно такой работы. Ученик Ленина, блестящий представитель «основного штаба» русского революционного пролетариата в эпоху Октября, он оказывался в общекультурном и мировоззренческо-политическом отношении выше самых высокообразованных интеллигентов всего мира и чрезвычайно способствовал поднятию авторитета нашей страны и нашей идеологии в их глазах. И в том, что симпатии многих «мастеров культуры» оказались на стороне Великой Октябрьской революции, в том, что они приближались к революционным позициям, переходили в лагерь социализма, известную роль сыграло и их общение с таким замечательным строителем социалистической культуры, как Анатолий Васильевич Луначарский.

Ниже публикуются некоторые неизданные материалы, связанные с работой Луначарского в международной организации революционных писателей на разных ее этапах.

Наиболее обширный из этих документов — стенограмма доклада «О Международном бюро связи пролетарской литературы», с которым Луначарский выступил 9 января 1925 г. на вечернем заседании I Всесоюзной конференции пролетарских писателей в Москве, в Доме печати. В докладе освещена предыстория организации, приведены некоторые существенные документы тех лет, намечены основные задачи Международного бюро, охарактеризованы те трудности, с которыми оно сталкивалось.

Другие материалы относятся к пленуму МБПЛ, состоявшемуся в марте 1926 г. Текст доклада Луначарского «Задачи Международного бюро и перспективы пролетарской литературы» остается неизвестным. Мы помещаем тезисы к этому докладу. При всем своем социологическом схематизме эти тезисы дают представление о задачах, которые Луначарский выдвигал перед пролетарским литературным движением в международном масштабе. Тезисы предваряются заметкой Луначарского о предстоящем пленуме — «Литературное совещание по вопросам пролетарской литературы», — перепечатываемой из газеты «Правда», № 55 за 1926 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ «Искусство народов СССР», вып. I. М., ГАХН, 1927, стр. 3.
- ² «Украинская жизнь», 1912, № 10, стр. 12.
- ³ «Киевская мысль», 1912, № 11, 11 января.
- ⁴ Из лекции 1929 г. «Современная литература на Западе» (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 427). Печатается полностью в т. 82 «Литературного наследства».
- ⁵ А. В. Луначарский. Собр. соч. в восьми томах. М., 1963—1967, т. 7, стр. 164. (Далее — ссылки на это издание.)
- ⁶ А. В. Луначарский. I. Идеализм и материализм. II. Культура буржуазная и пролетарская. Пг., «Путь к знанию», 1923, стр. 6.
- ⁷ «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17, стлб. 4175.
- ⁸ А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 5, стр. 393.
- ⁹ О подготовке этого несостоявшегося конгресса см. в кн.: Ф. Наркирьер. Французская революционная литература (1914—1924). М., «Наука», 1965, стр. 224—227.
- ¹⁰ «Вестник театра», 1920, № 48, 13—19 января, стр. 2.
- ¹¹ «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17, стлб. 4176.
- ¹² А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 5, стр. 445.
- ¹³ Там же, стр. 428.
- ¹⁴ Резолюция конференции делегатов V конгресса Коминтерна по вопросу художественной литературы от 18 октября 1924 г. (Архив АН СССР, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 617).
- ¹⁵ «На литературном посту», 1927, № 22-23, стр. 19.
- ¹⁶ «Октябрь», 1925, № 1, стр. 161.
- ¹⁷ «Известия», 1925, № 9, 11 января.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 5, стр. 494.
- ²⁰ Там же, стр. 489.
- ²¹ «Печать и революция», 1923, № 7, стр. 3.
- ²² Архив АН СССР, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 617.
- ²³ ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 2, ед. хр. 132, л. 28.
- ²⁴ «Литературная газета», 1933, № 60, 29 декабря.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 427, л. 46.
- ²⁷ Доклад «Этапы роста советской литературы» был напечатан в журнале «На литературном посту», 1927, № 22-23. Вошел в т. 2 Собр. соч. Луначарского.
- ²⁸ «Вечерняя Москва», 1927, № 262, 17 ноября.
- ²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 427.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ А. В. Луначарский. Собр. соч., т. 2, стр. 117—118.
- ³² «Литературный критик», 1933, № 1, июнь, стр. 55.
- ³³ Из очерка «Поверх Варшавы» (В. Маяковский. Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. 8, стр. 348).
- ³⁴ «Известия», 1925, № 9, 11 января.